

АННА СИДЯКИНА

**Тяжело в учении — легко в бою,
или консерваторская страница биографии
Николая Фигнера**

«Будучи от природы не очень музыкальным, Фигнер, при осиливании трудных мест, быстро терял терпение, и в таких случаях на пол летели и клавир, и всякие предметы; надо было иметь большую выдержку, чтобы его успокоить и заставить продолжать занятия».

Д. Похитонов.

Из прошлого русской оперы.

Сколько славных имен связано с Санкт-Петербургской консерваторией! Скольким талантливым и великим людям она открыла путь к вершинам искусства! Однако в консерваторской истории, как, впрочем, и в жизни, существует немало курьезов, наглядно доказывающих, сколь тернист порой бывает путь начинающего артиста. С одним из таких курьезов я и хочу познакомить читателя.

Несколько лет назад, во время долгих и утомительных изысканий в Рукописном отделе Публички, мне попался на глаза любопытный документ из архива Финдейзена (для интересующихся: Фонд 816, оп. 3, ед. хр. 3051), — без автора, без малейшего указания, которое могло бы пролить свет на его происхождение, — и, тем не менее, очень меня заинтересовавший. Вот этот документ:

Фигнер Николай Николаевич, мичман, Православ. исп., род. 29 Янв. 1857 г. Поступил в Сент. 1879 г. в кл. Самуся (пение). Стипендия *В. К. Константина Николаевича*. С января 1880 только одни обязательные предметы.

Элемент. теория Рубца — не являлся на экз. |1879 год

1 класс сольфеджио — исключен |с 1880

Фортепиано Тирон — не являлся |переведен к Лядову

Выбыл в Январе 1881 года (никаких отметок).

(Фамилия Фигнера в Экзаменационных списках в Мае 1880 г.)

По классу Рубца *Элемент. теория, сольфедж. 2. 2*, мнение профессора «способен, но ленив», годовая отметка 2/2, пропущено уроков 16, на экзамен не являлся. Специальн. кл. «нет».

Герой заметки — Николай Николаевич Фигнер, великий русский певец, по меткому выражению И.Ф. Стравинского, «друг Чайковского и король оперы в Петербурге». Описание исчерпывающее, но добавлю от себя некоторые сведения, быть может, достаточно известные.

Фигнеру посчастливилось быть другом не только Чайковского, но и многих других выдающихся людей в России и за рубежом: в числе его близких знакомых — Верди, Пуччини, Тосканини... Поступив на сцену Мариинского театра в 1887 году, в эпоху, когда русская опера еще не оправилась от продолжительного господства итальянцев, когда собрать публику в театр могла лишь какая-нибудь громкая премьера, Фигнер не только принес с собой блеск итальянской школы, не только поразил публику горячим темпераментом и продуманностью мельчайших деталей исполнения, но и положил начало совершенно новому типу оперного певца, который мы привыкли связывать с творчеством Шаляпина: типу певца-актера. Русские оперные артисты всегда отличались выразительной игрой, но впервые в истории *отечественный* певец (тенор!) продемонстрировал редкое сочетание виртуозного владения голосом, драматического таланта, обаятельной внешности и незаурядного ума. Влияние Фигнера было огромным. Мы можем назвать, по крайней мере, двух великих артистов, которые своим решением посвятить жизнь опере обязаны Фигнеру: это Л.В. Собинов и А.В. Нежданова. Вот как говорит о нем режиссер Н.Н. Боголюбов:

«Фигнер был ярким явлением русской оперной сцены. Прекрасная фигура, отчетливая ясность и строгая продуманность исполнения каждой роли, изумительная дикция, — все это требовало от окружающих певца артистов точно такой же серьезности и четкости. Имея голос стального оттенка, певец строго подчинял его смыслу каждого слова; в лирических моментах он силой огромного напряжения добивался предельной мягкости и нежности звука; в патетических местах Фигнер поднимался до таких трагических высот, которых достигали только великие драматические артисты. Кто слышал Фигнера в «Отелло», «Пиковой даме», «Ромео и Джульетте», «Опричнике» и «Фра-Дьяволо», тот может понять, почему целых четверть века его актерский талант владел вниманием избалованной публики столицы, видевшей на своих сценах и слышавшей лучших представителей мирового оперного искусства». (1, с. 95)

Современники знали Фигнера не только как умелого певца и талантливого актера, но и как антрепренера, переводчика, режиссера, педагога, предпринимателя, автомобилиста, изящного денди — любимца столичных

дам и российских царей. А также просто как отзывчивого и обаятельного человека, которым пятнадцать лет восторгался весь Петербург от великих князей до полуголодных студентов.

Но все это будет потом, а пока 22-летний мичман Добровольного флота Николай Фигнер поступает в консерваторию. Почему мичман? Потому что в прошлом, 1878 году, Коля успешно окончил Морское училище и, проплавав год гардемаринном, был произведен в офицеры. Что же понадобилось морскому офицеру в консерватории? К несчастью, он любил петь, а, как говорят вокалисты, пение — это болезнь. Конечно, музицирование обязательно входило в образование молодого дворянина, и в Морском корпусе ему уделялось достаточно времени. Коля брал уроки пения у известного в то время профессора Корси и пел в училищных концертах тенорком слабеньким, но приятным. «Думал ли я о сцене, о карьере певца? — вспоминал Фигнер впоследствии. — Да несколько. Пел романсы я еще в корпусе, но имел в виду быть не певцом, а моряком [...] Дослужился я в течение шести лет до чина лейтенанта, — и уехал в Италию. Не то, чтобы я порешил сделаться певцом — нет, а просто последствия все той же семейной неисправности [неудачной женитьбы — А.С.] стали так тяжело чувствоваться, что надо мне было куда-нибудь деваться. В консерватории петербургские профессора признали меня неспособным, а мать дала мне тысячу рублей на поездку в Италию, — я и поехал». (5, с. 18)

Что повлияло на решение Николая поступить в консерваторию — до конца не ясно. Очень вероятно, что свою роль сыграл пример известного баритона И.П. Прянишникова (тоже, кстати, ученика Корси и выпускника Морского корпуса): с 1878 года Фигнер слышал его на Мариинской сцене. Сам Фигнер это, как и многое другое в своей интересной биографии, предпочел сохранить в секрете. Вернемся к нашему документу.

Итак, в сентябре 1879 года Фигнер — на стипендию, то есть на деньги великого князя Константина Николаевича, главы Морского ведомства — поступает в класс пения В.М. Самуся. Факт сам по себе очень любопытный: во всех фигнеровских биографиях упоминаются две фамилии: Прянишников и Эверарди, а вовсе не Самусь, как утверждает автор нашей записки. На самом деле, список педагогов, в руках которых довелось побывать будущей звезде, может занять не меньше страницы; почему бы ему и в консерватории не поучиться у трех профессоров сразу? К сожалению, § 39 Положения о консерватории (за 1887 год) гласит: «Переход ученика, побывавшего у двух преподавателей, к третьему того же специального предмета, ни в коем случае не допускается». (3, с. 72) Факт консерваторской учебы у Эверарди можно считать документально подтвержденным — Л. Вайнштейн в своих воспоминаниях о выдающемся педагоге пишет:

«Много лет назад к нему на экзамен в консерваторию явился молодой морской офицер. Это был Н.Н. Фигнер. Голос его Эверарди не понравился, что, впрочем, и не мудрено. [...] Эверарди неохотно принял Фигнера в свой класс, но затем очень быстро с ним расстался, ибо Фигнер позволил себе предложить вопрос: «буду ли я знаменитым певцом?» Такого самомнения Эверарди не терпел и откровенно сказал Фигнеру, что петь на сцене он, вероятно, сможет, но что голос у него не важный, и потому его «будущая знаменитость» под большим сомнением. Фигнер обиделся и уехал в Италию, где через пять или шесть лет, путем громадного труда приобрел большую вокальную технику, а затем и репутацию выдающегося артиста». (Для справки: успешный дебют Фигнера в театре Сан-Карло датируется началом 1882 года. — А. С.) (2, с. 33)

Итак, «заканчивал» Фигнер, по всей вероятности, у Эверарди. Кто же был его первым консерваторским педагогом: Самусь или Прянишников? Выскажусь за Самуся. Фигнеровские биографы как-то совершенно упускают из виду тот факт, что Прянишников, с 1878 по 1886 год певший в Мариинском театре, не преподавал в консерватории: ученики занимались у него частным образом. Так, М.А. Славина, в дальнейшем, одна из крупнейших русских певиц той эпохи, пришла к нему уже *после* окончания консерватории, побывав в руках К. Эверарди и Н.А. Ирецкой. Е.А. Мравина в консерватории вовсе никогда не училась, и Прянишников был ее первым и основным педагогом. Если бы на счет Фигнера оставались какие-то сомнения, то Прянишников сам достаточно определенно говорит о своем ученике в «Краткой автобиографии»:

«Н.Н. Фигнер, бывший тогда морским офицером, учился у меня в продолжение 3 лет до самого дебюта в Италии, куда он уехал по моему совету, чтобы там начать оперную карьеру». (4, с. 6)

Маленькая поправка: «до самого дебюта в Италии» Фигнеру предстояло пройти еще огонь, воду и медные трубы, но в целом — все сходится. Три года учебы у Прянишникова — с 1878 по 1881 — никак не могли проходить в консерватории, ибо консерваторский период у Фигнера, как помнит читатель, занял в общей сложности меньше полутора лет. Благотворным влиянием Прянишникова объясняется не только поездка в Италию: в одной из своих автобиографий Фигнер указывает, что недолгое время в Италии занимался с С. Ронкони, чьим преданным и благодарным учеником был Прянишников... А что же Самусь, столь незаслуженно забытый биографами? Василий Максимович Самусь только в 1877 году окончил Петербургскую консерваторию как певец по классу *профессора Эверарди*, и в описываемое время был его ассистентом, «адьюнктом», выражаясь тогдашней терминологией. В консерватории существовало закреп-

ленное уставом правило, по которому поступающие студенты определялись к адъюнктам и только со временем могли — по экзамену — перевестись к профессору. По всей вероятности, так произошло и с нашим героем, чей голос к тому же не внушал профессорам особого оптимизма: он попал к Самусю и только затем к Эверарди.

Сколь ни тяжел сам по себе специальный предмет вокалистов, теоретики и философы все норовят еще больше усложнить студентам жизнь! С этим, пожалуй, согласятся все певцы, имевшие дело с консерваторией: и мичман Фигнер в том числе. Судя по нашей заметке, он был бы ныне просто гордостью вокального факультета: кроме пения, его ничто не интересовало. Кстати, «только одни обязательные предметы» с января 1880 года вовсе не означают, что Фигнер теперь мог заниматься исключительно пением. Его освободили от *общеобразовательных* предметов, как-то: Закон Божий, французский язык и т.д., как-никак, а корпус он кончил... «Обязательными» же предметами для вокалистов тогда считались: «итальянский язык, теория музыки, игра на фортепиано, история музыки, эстетика и нотное писание» (Инструкции по Петербургской консерватории; 3, с. 25). А для первокурсника Фигнера, как вытекает из заметки, таковыми были сольфеджио, элементарная теория музыки и общий курс фортепиано.

Сольфеджио и элементарную теорию преподавал Александр Иванович Рубец — теоретик и фольклорист, известный и тогда, и поныне своими учебниками по этим дисциплинам, сам, кстати, еще и певец по образованию. Фигнеровские отметки комментировать мы, пожалуй, не будем... С 1880 года Фигнер вместе с другими воспитанниками Морского ведомства был переведен в класс теоретических дисциплин А.К. Лядова, только-только начинавшего свою преподавательскую деятельность, однако интереса к диетам и бемолям по-прежнему не испытывал. Не интересовала его и игра на фортепиано, любому вокалисту просто необходимая, которую преподавал Карл Давидович Тирон, ученик Зарембы и педагог консерватории с 1874 по 1898 год. К слову, из воспоминаний известно, что Фигнер в зрелом возрасте свободно владел фортепиано и при необходимости аккомпанировал певцам. Как сложились бы его отношения с историей музыки и предметами специального цикла — остается только предполагать: Фигнер покинул консерваторию, проучившись едва полтора года.

Итак, подведем итоги. В сентябре 1879 года, прозанимавшись около года с Прянишниковым, Фигнер поступает в класс Самуся (возможно, пройдя прослушивание у Эверарди), но, неудовлетворенный успехами и интересуясь исключительно пением, лелеет мысли об учебе в Италии. Приблизительно в начале мая 1880 г. (отсюда и неявка на экзамены), получив четырехмесячный отпуск и заняв денег у благодетелей, уезжает в Италию,

где попадает — естественно, не сразу, — к знаменитому Ф. Ламперти-padre. К началу учебного года Фигнер возвращается, затем переводится к Эверарди. Комический эпизод, описанный Л. Вайнштейном, мог иметь место в конце 1880 года и стал последней каплей, вызвавшей весьма решительные действия Фигнера. Дальше события нарастают, как снежный ком: в январе 1881 года Николай покидает консерваторию, 27 января неожиданно выходит в отставку и, расставшись с женой, уезжает в Италию к Ламперти, почти накануне известных исторических событий 1 марта 1881 г., в которых такое деятельное участие принимала его старшая сестра Вера Фигнер. В жизни Фигнера начинается период, похожий на страшную сказку, но это уже совсем-совсем другая история...

* * *

1. Боголюбов Н.Н. 60 лет в оперном театре. – ВТО, 1967
2. Вайнштейн Л.И. Камилло Эверарди и его взгляды на вокальное искусство. Киев, 1924
3. Из истории Ленинградской консерватории: материалы и документы. Л., Музыка. 1964.
4. Прянишников И.П. Краткая автобиография.
5. Н.Н. Фигнер: Двадцать пять лет славы в опере / Сост. Фигнерист. СПб., 1907